

БРЯНСКОЕ ПОДПОЛЬЕ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

(Рец. на кн.: Штоппер С. Нелегальный Брянск. 1941–1943. Нелегальная деятельность различных сил в оккупированных Брянске и Орджоникидзеграде с 6 октября 1941 по 17 сентября 1943 года / С. Штоппер, А. Кукатов. – Брянск : Буквица, 2014. – 336 с. : ил.)

В. Ю. Рылов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июля 2019 г.

Работа посвящена «нелегальной» деятельности советских партизан, русских коллаборационистов, эмигрантской организации «Национально-трудовой союз», белорусских националистов и некоторых других, а также антипартизанских сил на оккупированной германской армией территории Орловской области (в то время указанные города входили в ее состав). Книга снабжена интересными иллюстрациями и обширным приложением документов, почти все из которых впервые опубликованы (с. 267–333).

Название «Нелегальный Брянск» интригует читателя, хотя оно не совсем верно, – весь вопрос в точке зрения. Для СССР просоветские партизаны были легальны, их деятельность как нелегальная никогда не рассматривалась, что в равной степени верно и для противоположной стороны.

Авторы постарались реконструировать «подпольный» аспект немецкой оккупации разносторонне, избавившись от накопившейся за десятилетия мифологии и откровенного морализаторства, без собственного прежним авторам «эмоционального запала», согласно которому история этого периода подается как борьба Добра и Зла. Если со стороны Зла все ясно – это нацизм, то можно ли назвать Добром сталинский СССР? Это вопрос требует однозначного ответа (с. 7). В таком случае как понимать такие распоряжения парторганов ВКП(б) оккупированного Брянска в 1942 г.: «Для привлечения пионеров и школьников для проведения террористических актов закрепить школы за отдельными комсомольцами»? (с. 153). Неоднократно фиксировалось использование несовершеннолетних в агентурной сети и т. п. (с. 187–188), что по нынешним меркам является *военным преступлением*.

В советское время имелось изобилие всевозможных публикаций, литературы, фильмов, телерадиопередач на тему «брянских партизан», но данная тема, как наглядно показали авторы работы, была не только не раскрыта, но и существенно искажена. Стремясь исправить это, авторы ввели в научный оборот новые документы из фондов российских и немецких архивов, а также брянских музеев, документальные личные фонды участников событий, воспоминания, в том числе из-за рубежа.

Авторы приводят многочисленные примеры того, как в советское время фальсифицировалась история партизанской борьбы. Так, 7 ноября 1941 г. к годовщине Октябрьской революции партизаны якобы взорвали завод имени Кирова, в результате чего сгорел цех и 42 немецких танка. Впервые этот «факт» появляется в «документальной повести» местного писателя И. Л. Афроимова в 1967 г. В действительности же на заводе произошел пожар по причине нарушения техники безопасности *немецкими* рабочими, а якобы «диверсия» – чистая фантазия писателя. Тем не менее на Афроимова сначала ссылались исследователи, а потом перестали, считая это как бы очевидным фактом (с. 112–113). Кстати, фальсификация отчетов на «большую землю» была широко распространена с самого начала партизанской деятельности. Например, в сводке 6 марта 1942 г., подписанной начштаба истребительных батальонов (далее – ИБ), говорилось о нападении партизан на железнодорожную станцию Брянск в декабре 1941 г., в ходе которой якобы было уничтожено «много танков», 7 самолетов и т. д., что являлось чистым вымыслом (с. 130). После освобождения Брянска авторами зафиксированы многочисленные примеры того, как ничем не проявившие себя «спящие» подпольщики, разведчики и партизаны ринулись рассказывать о

своей вымышленной «подпольной» работе (с. 202–203). Были случаи взаимных разоблачений бывших партизан как немецких агентов, трусов и т. п. (с. 228–230). Имелись многочисленные исключения из партии и применения других мер против бывших партизан, членов партии, сотрудничавших с немцами в годы оккупации и ничем себя не проявивших как партизаны и подпольщики (с. 235–236).

Сразу обращает на себя внимание то, что к развешиванию партизанской работы *на своей территории* коммунисты не были готовы, так как они исходили из официальной доктрины войны на чужой территории, к тому же партия уже больше 20 лет была правящей; богатые традиции подпольной работы оказались утерянными. Авторами приведены многочисленные факты разгильдяйства, недисциплинированности, беспечности, а то и просто глупости, как партизан, так и их руководителей. Например, в 1942 г. в Брянск доставляются советские ордена для награждения подпольщиков (!), хотя этот факт авторы подвергают сомнению, но наградные листы с подлинными фамилиями разведчиков были доставлены на оккупированную территорию (с. 202). В одном из отрядов Орджоникидзеграда партизаны требовали подписки о сотрудничестве с ними от местных комсомолок, которые хранились непосредственно в отряде (с. 225).

Война началась на брянщине уже 21 июня 1941 г., так как Орловский военный округ, включавший в себя эту территорию, секретным постановлением Политбюро был преобразован в Резервный фронт во главе с маршалом С. М. Буденным. Но это не помогло, и уже в июле 1941 г. началась паника среди брянских руководителей, вызванная стремительным немецким наступлением, что выразилось в эвакуации под видом оборудования, личной собственности, семей, в расхищении бесхозного «социалистического имущества» (с. 55–59).

При этом партийные и советские руководители исполняли поручения центральных властей об уничтожении не только заводов, связанных с обороной, но и объектов инфраструктуры, что больно било по оставшемуся без воды, электричества и запасов продовольствия населению. Имели место и предложения по отравлению хлеба мышьяком, заражения сливочного масла бактериями тифа, правда, эти безумные планы не были реализованы ввиду их авантюристичности и очевидного ущерба населению (с. 154). Был и план захвата Брянска силами партизанских отрядов при помощи авиации РККА, для реализации которого предлагалось уничтожить в городе «бензосклад, хлебозавод на мясокомбинате, 5 продскладов, бараки девятилетки с живой силой» (с. 155). Однако в 1942 г. работники оккупационной горуправы Брянска, работавшие на партизан, уничтожили 150 лошадей «путем

умышленного неправильного лечения заболеваний», 300 лошадей «выведено из строя», 1800 было заражено ящуром (с. 176). Надо полагать, что животные советских людей не пострадали.

В конце июня 1941 г. Политбюро издает ряд постановлений, в которых органам НКВД предписывалось создавать ИБ из местного населения для борьбы с вражескими шпионами, парашютистами и т. п. 29 июня издается директива СНК и ЦК ВКП(б) о формировании партизанских отрядов в оккупированных районах СССР. К формированию ИБ и групп подпольщиков, диверсантов партийные органы и органы НКВД приступили в конце июня 1941 г. Данные отряды сколачивались и обучались наспех иногда «стахановским» методом за одни сутки (!), часто в «добровольно-принудительном порядке». Понятно, что подобные отряды, попав на боевое задание, часто гибли и попадали в плен (с. 75). Авторы приходят к выводу о спорной эффективности в борьбе с вражескими шпионами ИБ. Слабая эффективность деятельности партизан также неоднократно отмечается авторами. Например, орджоникидзеградские партизаны получили задание «разложить» украинское формирование коллаборационистов, которое провалили из-за «неумелой организации» (с. 224).

Интересно отметить, что авторы напрочь опровергают устоявшуюся точку зрения, согласно которой партизанское движение носило исключительно народный характер сопротивления оккупантам. В действительности же официальные власти относились к самочинным партизанам настороженно. Между собой соперничали партизанские структуры, сформированные партийными органами и НКВД, с одной стороны, и военными – с другой (с. 127). Первых больше интересовал политический, идейный аспект – борьба с пронемецки настроенными гражданами, вторых – исключительно военные объекты немцев. Всего имелось порядка 20 постоянно действующих партизанских формирований: Брянский штаб партизанского движения, Брянский городской партизанский отряд, бригады имени Кравцова, Ворошилова, подпольные парторганизации и др. Партизанская деятельность неплохо оплачивалась; насколько можно понять, по крайней мере, партизанская разведка вознаграждалась как агентурная разведка НКВД: резидент получал 500, связной 300, а агент-осведомитель 400 руб. в месяц (с. 151–152).

Имели место казни командиров конкурирующих отрядов, самочинные расстрелы, стрельба в спину предполагаемым немецким шпионам (с. 72). Показательна в этой связи история братьев С. И. и О. И. Семеновых – местных жителей, один из которых был окруженцем. Братья самостоятельно занимались разведкой, вышли на связь с официальным Брянским городским партизанским отрядом, вскоре войдя в

состав его руководителей. В октябре 1942 г. они были вызваны «на большую землю», где были расстреляны по обвинению в шпионаже и предательстве (с. 107). Например, один из подпольных райкомов хотел сменить командира партизанского отряда из окруженцев политработника А. Г. Ковалева, он был арестован и зарезан ножом, так как боялись, что выстрелы будут услышаны (с. 128). Во время партизанского налета на занятое немцами село единственной жертвой был командир отряда В. А. Рысаков, которому пуля попала в затылок (с. 128), и т. д. Командир орджоникидзеградских партизан П. Рыжков «наводил ужас», «терроризировал», «ввел в систему противозаконные расправы с партизанами путем убийства в спину» бойцов и командиров отряда (с. 225). Такие специфические нравы царили в партизанских отрядах: оскорбления, избиения, кражи были обычным явлением (с. 159).

Кроме того, большое количество «партизан», оставленных с заданиями на оккупированной территории, вообще себя никак не проявляло и даже переходило на сторону противника, становясь их «прислужниками» (с. 216). На основании немецких документов авторы отмечают, что «поражает степень осведомленности противника о делах в отряде. Причем о нюансах, которые наверняка не были известны рядовым бойцам городского партизанского отряда» (с. 167). Оставленная НКВД и партией агентура не спешила выходить на связь (с. 129). Кстати, немцам удалось захватить документы со списками ИБ, а также коммунистов и комсомольцев, по которым ими проводились аресты (с. 122).

Оккупированные Брянск и Орджоникидзеград (Бежица) находились в подчинении военных, входивших в группу армий «Центр», тылов 2-й танковой армии. Деятельность Восточного министерства А. Розенберга на Брянск не распространялась. Основные антипартизанские силы немцев подчинялись Абверу – военной разведке и контрразведке, но действовали и другие конкурирующие структуры – управление безопасности (РСХА), гестапо и др. Описание этих организаций на основе немецких архивов – несомненный успех работы. Однако отмечается, что часто эффективнее немецких антипартизанских сил действовала русская полиция, сформированная из местных жителей (с. 103). Особо следует отметить команду 7б, специализировавшуюся на уничтожении евреев и действовавшую до августа 1942 г., после чего

расстрелы евреев прекратились. На брянщине всего было убито от 17 до 22 тыс. евреев (с. 104), в то время как жертвы антипартизанских сил «укладываются» в 2–3 тыс. человек (с. 99).

Значительная часть работы – описание деятельности иных подпольных или «полуподпольных» формирований, среди которых был Национально-трудовой союз, пытавшийся добиться «русских целей» во время войны (против Гитлера и против Сталина!), являя собой так называемую «третью силу» (с. 42, 86). Конечно, эти претензии НТС, на наш взгляд, нельзя признать состоятельными, несмотря на старания авторов показать обратное. Деятельность НТС вопреки стереотипам, сложившимся в советской литературе, вовсе не была пронемецкой, но и особой поддержкой организация русских эмигрантов со стороны немецких властей не пользовалась (с. 240). Правильно было бы сказать, что оккупационные власти терпели НТС, несмотря на имевшиеся аресты подразделениями Абвера. Причем сами энтээсовцы считали, что эти аресты были инспирированы агентами НКВД в Абвере (с. 251). Тем не менее для советских властей деятельность НТС не была терпимой ни под каким видом, поскольку с «изменниками родины» разговор мог быть только один: «К стенке!» (с. 251).

Имелись и белорусские националисты. Они пытались объединить «белорусские этнографические земли», среди которых ими рассматривалась и брянщина, несмотря на то, что их идеи не пользовались поддержкой даже среди белорусскоязычного населения (с. 43, 92).

Организация украинских националистов и другие рассматривали брянщину как украинскую территорию, однако их деятельность там не прослеживается, за исключением присутствия «украинских батальонов», сформированных из коллаборационистов (с. 44).

Подводя итог, следует отметить, что к лету 1943 г., накануне освобождения Брянска в сентябре того же года, партизанское движение было разгромлено немцами. Таким образом, можно сделать вывод, что это движение не сыграло сколько-нибудь существенной роли в освобождении Брянщины от немецкой оккупации. Однако рассмотрение ранее не исследованных вопросов общественно-политической истории периода немецкой оккупации – очевидный успех работы.

Воронежский государственный университет
Рылов В. Ю., кандидат исторических наук, доцент
кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения
E-mail: vyurylov@ya.ru

Voronezh State University
Rylov V. Yu., Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor of the Department of Modern Russian History,
Historiography and Documentology
E-mail: vyurylov@ya.ru